

А. В. Зорин

**О «ПРИЗРАЧНОСТИ» РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ
СЕМИ ПАЛАТ: ОТКЛИК НА КНИГУ
«БУДДИЙСКИЙ МОНАСТЫРЬ АБЛАЙ-ХИТ»**

АННОТАЦИЯ. Статья представляет собой развернутый отклик на книгу «Буддийский монастырь Аблай-хит» (Алматы 2019), но касается он главным образом одной конкретной темы — обстоятельств поступления первых тибетских и монгольских текстов к Петру I и затем в Библиотеку Санкт-Петербургской академии наук. В двух главах книги, написанных Н. В. Ямпольской, были высказаны замечания, ставящие под сомнение необходимость признать джунгарский монастырь Семь Палат первым источником таких поступлений. Рукописное наследие этого монастыря характеризуется словом «призрачное». В ответ на это читателю предлагается беспристрастно рассмотреть все ключевые сведения по указанной теме, относящиеся к первой трети XVIII в., в том числе не упоминавшиеся ранее в данном контексте. Последние связаны с такими знаковыми для истории российской науки именами, как Д. Г. Мессершмидт, Г. З. Байер, Ф. Страленберг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: тибетские и монгольские рукописи, Семь Палат, Аблай-хит, первые академические коллекции, Петр I, история востоковедения

УДК 09+821.584.6

DOI 10.31250/2618-8619-2020-1(7)-199-215

ЗОРИН АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ — к.филол.н., с.н.с. отдела рукописей и документов, Институт восточных рукописей РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: kawi@yandex.ru

Вышла в свет книга «Буддийский монастырь Аблай-хит», подготовленная группой казахстанских археологов при участии н. с. ИВР РАН к. филол. н. Н. В. Ямпольской (Байпаков и др. 2019¹). Книга представляет собой попытку комплексного анализа всей имеющейся информации о прииртышском джунгарском монастыре, который прославился в истории востоковедения своей библиотекой тибетских и монгольских книг и в течение уже почти трех столетий находится в поле зрения ученых. Комплексный анализ включает историю его строительства и активной фазы существования как важного центра религиозной жизни ойратов, характеристику его внешнего и внутреннего убранства, обзор дошедшего до нас рукописного наследия, представляющего собой лишь крупницы от имевшегося в нем «моря писем», описание недавних находок, детальный и чрезвычайно интересный отчет по итогам нового археологического обследования комплекса и т. д. Книга превосходно издана с полиграфической точки зрения и содержит множество прекрасных информативных иллюстраций. Если оценивать книгу в целом, она безусловно создает весьма объемное представление о своем предмете. Вместе с тем в тексте имеется ряд изъянов и спорных моментов, полное изложение которых отняло бы слишком много времени. Я сосредоточусь на двух главах, написанных моей коллегой по ИВР РАН Н. В. Ямпольской («Рукописное наследие Аблай-хита в России и Европе» и «Монастырская библиотека»), поскольку их материал имеет самое прямое отношение к моей работе.

И все же начать я бы хотел с некоторых замечаний к тем главам книги, в которых содержатся элементы религиоведческого анализа. Они выдают весьма слабое владение материалом, пестрят фактическими ошибками и наивными интерпретациями феноменов буддийской истории и культуры. Достаточно сказать, что основному автору этих глав И. В. Ерофеевой известны такие странные названия, как «Сарматх» (вместо «Сарнатх»; с. 25), «шаммар» (вместо «шамар», т. е. «красношапочный»; с. 41), «визарга» (вместо «висарга»; с. 128); «желтые монастыри» (видимо, имелись в виду монастыри «желтошапочной» школы гэлук); «ваханы божества Ямы в образе тигров, терзающих быков» (с. 178; оставляю это без комментариев)². По ее мнению, «ваджраяна — особое направление буддизма Махаяны, которое формировалось в Тибете с VII в.» (с. 29): само слово, вроде бы, должно указывать на индийское происхождение ваджраяны, но автор проявляет тибетский «патриотизм», так же как и когда утверждает, что «именно в Тибете [сложился] культ духовного учителя — ламы» (между тем это тибетский эквивалент санскритского «гуру»; с. 31). Характеризуя внутреннее убранство аблай-хитского храма, она утверждает, что описанное Г. Миллером божество с четырьмя головами и двадцатью четырьмя руками может быть только одной из форм Авалокитешвары (с. 143), тогда как это, скорее всего, Калачакра³. Вызывает недоумение то, с какой легкостью И. В. Ерофеева «реконструирует» обрядовую жизнь Аблай-хита по аналогии с материалом книги А. М. Позднеева о халха-монгольских буддийских монастырях (с. 93–96). Если уж надо было описывать то, о чем у нас нет *никаких* сведений, следовало бы, наверное, обратиться к описанию обрядов ойратских/калмыцких храмов как типологически более близких.

Отдельно хотел бы упомянуть об астрологической печатной диаграмме с изображением черепахи *ситахо*, которая якобы была обнаружена местным жителем в 1990-е годы на территории Аблай-хита. И. В. Ерофеева приводит мое мнение о том, что этот лист «по внешнему виду не похож на тибетский ксилограф XVII в. и относится, по-видимому, к более позднему времени» и указывает далее, что «предположительно он был напечатан не раньше середины XVIII в. и появился на территории Аблай-хита (?) в 1756–1757 гг., когда в этом районе... временно находились... Амурсана

¹ Далее ссылки на страницы без указания источника приводятся по этому изданию.

² Сюда же можно отнести написание фамилии «известного» (как пишет сама И. В. Ерофеева) французского ученого XVIII в. Б. Монкофона: он фигурирует как «Монкофон» (с. 13, 160, 161).

³ Согласно описанию Миллера, «из двух фигур... у одной 4 головы и 24 руки... правую ногою наступает на волоса другого человека, поверженного к ногам ее, и смотрит на двух других, припавших на колена, людей» (в пер. с латыни В. В. Радлова /Радлов 1894: 63/). Отмечу также, что вне поля зрения И. В. Ерофеевой осталось то обстоятельство, что по меньшей мере три аблай-хитские иконы могли дойти до наших дней в собрании МАЭ (Кунсткамера) РАН, правда, идентифицировать их пока не удалось (Иванов 2009: 268).

(1722–1757) и его сподвижники» (с. 166). Во время своего посещения Восточно-Казахстанского областного краеведческого музея в Усть-Каменогорске я имел возможность взглянуть на этот предмет (имеющий, между прочим, тканое обрамление, стандартное для иконы-танки) и высказал мнение, что не только этот ксилограф должен быть более поздним, чем XVII в., но и что для атрибуции его как найденного в Аблай-хите требуются очень серьезные доказательства. Степень сохранности самого оттиска и обрамления поразительна для предмета, который должен был пролежать в природных условиях нетронутым и практически неповрежденным не одно столетие (ср. с фрагментами рукописей на бересте, действительно найденными в Аблай-хите в недавнее время; с. 174–175⁴). Хотелось бы, чтобы местные исследователи получили детальные разъяснения от лица, передавшего предмет в музей, относительно обстоятельств его находки, прежде чем строить какие-либо гипотезы насчет связи диаграммы *синахо* с Аблай-хитом.

Но больше всего в книге меня разочаровало то обстоятельство, что коллеги именно из Казахстана продолжают повторять за Е. А. Княжецкой⁵: «В настоящее время установлено, что Аблай-хит впервые было (sic) обнаружен офицерами и солдатами военно-разведывательной экспедиции генерал-майора И. М. Лихарева в 1720 г. в ходе обследования местности в окрестностях Усть-Каменогорской крепости» (с. 109). Эту точку зрения можно считать основной в рассматриваемой книге. Между тем *в настоящее время установлено*, что статья Е. А. Княжецкой недостоверна в самом своем основании: она строится на ложном предположении, что Усть-Каменогорская⁶ крепость была «заложена... осенью 1719 г. по приказанию Лихарева» (Княжецкая 1989: 17–18). Если бы эта датировка была верной, тогда действительно русские военные за год вполне могли бы обнаружить Аблай-хит. Хотелось бы подчеркнуть, что исследовательница ни в коем случае не считала, что постройка крепости и обнаружение монастыря произошли в течение одного 1720 г. При этом гипотеза Е. А. Княжецкой, на которой строится вся ее статья и которая противоречит общепринятой точке зрения на дату основания *казахстанского* города Усть-Каменогорска, давно и убедительно опровергнута!

Собственно говоря, неоднократные попытки Е. А. Княжецкой «удревнить» город Усть-Каменогорск на один год последовательно опровергались историографами этого города⁷, последние же сомнения отпали после того, как В. Б. Бородаев обнаружил в РГАДА и опубликовал «Ведомость о пути экспедиции лейб-гвардии майора И. М. Лихарева на озеро Зайсан и Черный Иртыш в 1720 г.» (статья вышла в далеком уже 2011 г.!). Из этого документа с непреодолимой силой следует, что именно в 1720 г. И. М. Лихарев, возвращаясь из плавания на Зайсан, «прошед камень, при устье, зделал крепость Устье каменных гор. И удовольствуя артиллериею и аммуницею, и правианта на год оставил подполковника Ступина и при нем салдат и артиллерных служителей 363 человека» (Бородаев 2011: 33–34). Аблай-хита он не находил, рукописей Петру не привозил. Гипотеза Е. А. Княжецкой об основании Усть-Каменогорска в 1719 г. и базирующаяся на ней основная мысль статьи, оказавшей столь злосчастное влияние на историографию Аблай-хита, опровергнуты⁸. Хочется верить, что коллеги перестанут наконец на нее ссылаться в этом вопросе (в некоторых частных аспектах ее статья сохраняет научную ценность). Что касается так называемого «Плана Аблайкитских палат», обнаруженного Е. А. Княжецкой в Отделе рукописной и редкой книги БАН (за что ей честь и хвала) и красиво воспроизведенного в рассматриваемой книге (с. 111), то его, по логичному предположению В. Б. Бородаева⁹, следует идентифицировать с той картой, о которой в 1721 г. писал Петру I А. М. Черкасский (см. далее).

⁴ Также см.: (Ямпольская 2019).

⁵ Ее статья 1989 г. оказала поистине гипнотизирующее воздействие на востоковедов постсоветского периода (в том числе на меня) тем, что якобы подводила доказательную базу под давно устоявшуюся точку зрения об обнаружении первых тибетских и монгольских листов в Аблай-хите в 1720 г.

⁶ Или Усть-Каменская, что то же самое.

⁷ О полемике между Е. А. Княжецкой, опубликовавшей серию статей еще в 1960-х годах, и усть-каменогорским краеведом С. Е. Черных см.: (Бородаев 2011: 26–28).

⁸ Отметим, что в 1719 г. на Иртыше действительно была основана новая крепость (Порфирием Ступиным), но не Усть-Каменская, а Убинская (Бородаев 2011: 28).

⁹ Высказано в нашей с ним переписке.

Теперь можно перейти к главной теме моей статьи, вынесенной в заглавие, а именно к «прозрачности» рукописного наследия Семи Палат — именно таким слегка саркастическим словом (хотя и взятым в кавычки) охарактеризовала Н. В. Ямпольская комплекс сведений о библиотеке этого монастыря, имеющийся в нашем распоряжении (с. 191). Исследовательница не оспаривает того, что какие-то тексты могли поступить оттуда в Санкт-Петербург, но считает свидетельства современников тех событий слишком туманными и путанными, чтобы делать какие-либо выводы. Поскольку в этом отношении наши взгляды разнятся и в работе коллеги содержится критика моих статей (Zogin 2015; Зорин 2015), я считаю нужным принять это приглашение к дискуссии (которое можно только приветствовать) и еще раз рассмотреть вопрос об истории тибетских листов из Семи Палат и Аблай-хита, тем более что у меня имеется новая информация по этому поводу.

Напомню, что до недавнего времени считалось, будто первые тибетские и монгольские рукописи поступили в Санкт-Петербург из Аблай-хита в 1720 г. Впервые это утверждение было зафиксировано в научной литературе И. Бакмейстером (Bacmeister 1776: 122), который оставил без внимания упоминания Семи Палат в работах Г. Байера (Bayer 1730; 1732) и Г. Миллера (Müller 1747). Можно предположить, что он принял точку зрения, сформулированную В. Н. Татищевым, который утверждал, что все найденные близ Иртыша тексты происходят из Аблай-хита¹⁰. Сам Татищев не бывал ни в Семи Палатах, ни в Аблай-хите, хотя посещал Тобольск (впервые в 1720 или 1721 г.¹¹), а также в 1735 г. посылал геодезиста В. Шишкова для обследования Аблай-хита (оно имело место чуть позже, в 1737 г.). Г. Миллер, который совместно с И. Гмелиным в 1734 г. посетил Семь Палат, а в Аблай-хит отправил военный отряд, в своей известной работе выразился более осторожно: представление о том, что в Семи Палатах имелась библиотека и оттуда русскими были взяты какие-то тексты, он охарактеризовал как общепринятое мнение, но добавил, что сам он в Семи Палатах не обнаружил следов целых текстов и что местное население считало все тексты поступившими из Аблай-хита (Радлов 1894: 58–59). Наконец, третье свидетельство, на которое обычно обращали внимание, находится в книге Ф. Страленберга, опубликованной в 1730 г. (Strahlenberg 1730). Оно представляет собой следующую довольно туманную фразу: «В 1720-м году, когда Русские с несколькими полками военного люда отправились из г. Тобольска вверх по Иртышу, то они нашли там не только много древних и старых языческих капищ, но и далее от этой реки, к З.-Ю. и Ю.-З. от г. Тобольска, между верховьями р. Тобола и Ишима (куда, впрочем, ходят немногие) встретили, как мне рассказывали тобольские Татары и Русские, очень много вытесанных из камня изображений людей и животных; в тех же степях находятся развалины различных городов»¹². Кроме того, как особо подчеркивает Н. В. Ямпольская (с. 198), в другом пассаже, посвященном непосредственно теме тибетских рукописей, Ф. Страленберг пишет, что они были найдены на правом и левом берегах Иртыша (первому соответствует Аблай-хит, второму — Семь Палат).

Хочется отметить, что сам Ф. Страленберг, который находился в Тобольске с 1711¹³ по 1721 г. (и потом еще не очень долго во второй половине 1722 г.¹⁴), т.е. в то самое время, о котором идет

¹⁰ Правда, это не более чем гипотеза, поскольку мнение В. Н. Татищева не было опубликовано и И. Бакмейстер на него не ссылается. Впервые В. Н. Татищев выразил такую точку зрения в небольшой предварительной заметке, составленной им для энциклопедического словаря «Лексикон российский» (Бородаев, Контев 1999: 117–118). Еще более определенно она высказана в рукописных комментариях к книге Ф. Страленберга, которые с высокой долей вероятности принадлежат В. Н. Татищеву и на которые обратил внимание В. В. Радлов. Согласно этому документу, «писма старинные, которые Его Величество Петр I в Францию изволил объявить... взяты все из одной божницы древней, стоящей на западной стороне Иртыша, где обитают Кайсаки (т. е. казахи. — А. З.), а не Калмыки, которому строению в 1721-м (году) зделанная модель деревянная и положению ландкарта, надеюся, что купно с библиотекою Его Величества находится в академии наук» (Радлов 1894: 139–140).

¹¹ Первая дата была указана самим В. Н. Татищевым, но она оспаривается современными исследователями, которые считают, что Татищев не мог побывать в Тобольске раньше 1721 г. (Киселев 2016); для нашей темы это принципиально.

¹² Цитирую в переводе с немецкого В. В. Радлова (Радлов 1891: 24).

¹³ «В Тобольск пленные прибыли 26 августа 1711 г.» (Новлянская 1966: 29).

¹⁴ «Сколько времени продолжалось путешествие Страленберга до Тобольска и когда он туда приехал, неизвестно. Имеются сведения, что он был в Тобольске в половине ноября и в начале декабря 1722 г., а в начале 1723 г., по его собственному свидетельству, был в Москве» (Новлянская 1966: 43).

речь, ничего не знал об Аблай-хите как источнике рукописей вплоть до конца 1720-х годов, о чем будет сказано далее. Соответственно упомянутые им сведения (в которых, между прочим, ничего не говорится о рукописях, а Аблай-хит прямо не называется) являются таким же поздним утверждением, как и высказывания двух уважаемых историков, не принимавших участия в событиях рубежа 1710–1720-х годов. Отметим также, что Ф. Страленберг никогда не высказывал ни доли сомнения в том, что в Семи Палатах находили тибетские и монгольские рукописи. Сомнения же, выраженные Г. Миллером (в мягкой форме) и В. Н. Татищевым (в категоричной форме¹⁵) в отношении семипалатинского происхождения рукописей, никоим образом не перекрывают других свидетельств, на основе которых я, как мне казалось, в своих статьях 2015 г. сумел реконструировать правильную последовательность событий¹⁶. Схематично ее можно представить следующим образом.

1. Осенью 1717 г. русские военные обследовали брошенный монастырь Дархан-цорджи-хит, который стал известен под названием Семь Палат, на следующий год неподалеку от него была основана Семипалатная крепость. Нам неизвестно, когда именно из монастыря были вывезены первые рукописи на синей бумаге. Я полагаю, это могло произойти именно осенью 1717 г., т. е. до постройки крепости¹⁷. Во всяком случае не позднее 1718 г. листы начали попадать в Тобольск, откуда некоторые из них были привезены или пересланы (возможно, губернатором М. П. Гагариным) Петру I, который отнесся к ним с большим интересом. Не позднее 1719 г. с ними познакомился в Петербурге немецкий дипломат Ф. Вебер¹⁸.

2. В августе 1720 г. майор Лихарев, возвращаясь из водного похода к верховьям Иртыша, заложил Усть-Каменогорскую крепость, которая была построена уже без него. В конце 1720 г. или, что более вероятно, весной или летом следующего года на довольно большом удалении от крепости в степи был обнаружен еще один монастырь, Аблай-хит. Первый документ об этом событии

¹⁵ «(Страленберг) показывает, якобы писма старинные, которые Его Величество Петр I во Францию изволил объявить, найдены в калмытской степи, по правую и левую сторону Иртыша, в древних строениях и гробовых курганах, весьма неправильно, оные бо взяты все из божницы древней, стоящей на западной стороне Иртыша, где обитают Кайсаки, а не Калмыки, которому строению в 1721-м (году) зделанная модель деревянная и положению ландкарта, надеюся, что купно с библиотекою Его Величества находится в академии наук» (Радлов 1894: 140).

¹⁶ Важнейшую роль при этом сыграл В. Б. Бородаев, который в личной переписке в 2014 г. заставил меня отойти от общепринятой версии и внимательно посмотреть на источники, ей противоречившие.

¹⁷ Согласно Г. Миллеру, «несмотря на упоминание Семи Палат в грамоте 1616, о них собственно ничего не знали до осени 1717 года, когда подполковник Ступин, занимавшийся в то время постройкою Ямышевского острога, отправил туда водою карпала с 14 солдатами и писцом, которые и привезли первое обстоятельное известие об этих зданиях. Там найдены первые тангутские рукописи, объяснением которых в следующие годы занимались различные ученые, в особенности же Фурмоны в Парниже» (в переводе с немецкого В. В. Радлова /Радлов 1894: 140/). Мне трудно поверить, что этот отряд не нашел тогда же рукописи. Между прочим, и рассказ, помещенный в «Gazette» (см. пункт 3), на мой взгляд, может описывать именно этот первый визит русских военных: «...когда же хотели увезти эту библиотеку, суевверные обитатели тех мест воспротивились этому, поскольку почитают здание как святыню и верят, что позволить что-то вывезти означало бы осквернить ее. Русские путешественники все же нашли способ похитить три тома» (в переводе с французского Н. В. Ямпольской, с. 203). Конечно, нельзя полностью исключать, что первые рукописи попали к русским уже после постройки Семипалатной крепости в 1718 г., но мне кажется, что вероятность такого развития событий не очень велика.

¹⁸ Подчеркну, что я не указываю нигде, как именно М. П. Гагарин передал Петру рукописи, поскольку у нас нет твердых сведений на сей счет. Более того, я вынужден признать, что у меня нет доказательств того, что именно от Гагарина царь получил рукописи. Я исходил из того, что если Гагарин присылал и привозил Петру находки бугровщиков (Завитухина 1977), то и рукописи тоже должны были поступить от него. О том, что находка рукописей прямо связана с Гагариным, писал И. Менке в «Acta eruditoum», по всей видимости, со слов И. Шумахера (Menke 1722: 375). Тем не менее документальных свидетельств передачи М. Гагариным рукописей Петру I у меня пока нет. В. Б. Бородаев считает более вероятным, что рукописи поступили в Петербург уже после того, как Гагарин отправился в свое роковое путешествие в столицу. По предварительным сведениям В. Б. Бородаева, отъезд состоялся в начале 1718 г., когда рукописи, как он считает, еще не достигли Тобольска (это мнение он высказал в нашей личной переписке). Я, однако, по-прежнему склонен придерживаться мнения, что Гагарин мог привезти их лично в подарок Петру I в начале 1718 г. вместе с некоторыми находками сибирских бугровщиков. Разумеется, этот подарок не идентичен той посылке коллекции золотых и серебряных вещей из могильников, которую упоминает Н. В. Ямпольская, полагая (с. 197), будто я ее имел в виду, когда писал: «Some leaves found there were presented by Gagarin to Peter the Great in 1717 or 1718 along with a number of antiquities» (Zorin 2015: 9). Первичная посылка 1717 г. действительно не могла содержать тибетские рукописи: о них не говорится в доношении М. П. Гагарина, на что справедливо указывает коллега. В конечном счете не столь важно, кто и когда именно доставил рукописи в Петербург, главное, что не позднее 1719 г. их там видел Ф. Вебер.

датируется 25 августа 1721 г., когда новый губернатор Сибири А. М. Черкасский послал уведомление о его находке вместе с шестью листами в Санкт-Петербург¹⁹.

3. Начиная со второй половины 1721 г. об иртышских листах становится известно в Западной Европе: сначала из книги Ф. Вебера и двух статей в парижском издании «Gazette». В 1722 г. один аблай-хитский лист был воспроизведен И. Менке в Лейпциге, после чего он был переслан И. Шумахером в Париж, так как ученые Королевской академии наук вызвались сделать перевод листа для Петра I. Получившийся у них латинский текст (в корне неверный) был переслан в Петербург, был издан Г. Байером и затем оставался в поле зрения европейских ученых вплоть до 1830-х годов, когда верный перевод был выполнен Ш. Кёрёши Чомой. До начала 1730-х годов все иртышские листы, попадавшие в Санкт-Петербург, трактовались как происходящие из Семи Палат.

4. Постепенно после 1730 г. роли поменялись, и семипалатинское наследие словно растворилось внутри аблай-хитского, чему способствовало численное превосходство листов из Аблай-хита, которые были присланы в Санкт-Петербург Г. Миллером и И. Гмелиным в 1734 г. Мы не знаем, сколько точно было листов: некоторые из них сгорели в пожаре 1747 г. в Кунсткамере²⁰. В середине 2010-х годов в тибетском фонде ИВР РАН было вновь выявлено чуть более 200 аблай-хитских листов на темно-коричневой бумаге (целых или дефектных) против 33 листов (целых или дефектных), которые я трактую как семипалатинские. Почти одновременно Н. В. Ямпольской было выявлено более тысячи монгольских листов на белой бумаге (определенно из Аблай-хита) и 21 монгольский лист на синей бумаге (источник неясен).

Не отрицая возможности такой последовательности событий²¹, Н. В. Ямпольская высказала ряд сомнений и возражений в отношении некоторых моих тезисов и трактовок. В целом они, как мне кажется, сводятся к тому, чтобы представить сведения о семипалатинской библиотеке как ненадежные. В отношении монгольских листов данные о Семи Палатах вовсе игнорируются: в четвертой главе книги все они без исключения характеризуются как происходящие из Аблай-хита (с. 263). Возможность семипалатинского происхождения так называемых «золотых» листов на монгольском языке не рассматривается. Предложенная мною идентификация тибетских листов на синей бумаге как семипалатинских напрямую не опровергается, но, я думаю, у читателя не может не сложиться впечатление, что она вызывает серьезные сомнения. Не вдаваясь во все детали обсуждения, я хотел бы рассмотреть только наиболее важные из них. Одновременно я буду добавлять новые сведения, которые мне удалось получить после 2015 г.

Начать следует с ключевого для коллеги тезиса: «“золотые” фрагменты монгольского Ганджура хранятся бок о бок с тибетскими и монгольскими рукописями из Аблай-хита, что с большой вероятностью указывает на их общее происхождение» (с. 187). Можно было бы согласиться с этим утверждением, если бы под *общим происхождением* понималось место, откуда эти листы попадали в Санкт-Петербург, а именно Тобольск как пункт, куда они свозились и откуда распространялись далее²². Однако автор, очевидно, имеет в виду совсем другое — то, что листы происходят именно из одного монастыря. Такая трактовка, в моем понимании, не выдерживает критики, поскольку,

¹⁹ Оригинал хранится в РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 4. Д. 57. Л. 413–413 об. Этой информацией я обязан В. Б. Бородаеву. Текст письма был опубликован в: (Спицын 1906: 241). А. М. Черкасский сообщает здесь также о своем распоряжении «оние полаты описать и учинить чертеж» — весьма вероятно, именно этот чертеж нашла и опубликовала Е. А. Княжецкая (см. выше).

²⁰ В своих предыдущих работах я только допускал такую возможность, теперь об этом можно говорить с практически полной уверенностью, поскольку при разборе Сериндийского фонда ИВР РАН О. В. Лундышевой были выявлены десять небольших свертков с остатками сгоревших листов коричневого и черного цветов, на некоторых из них четко видны тибетские буквы, палеографически полностью соответствующие аблай-хитским образцам. Один из обгоревших листов воспроизведен в рассматриваемой книге (с. 236). Едва ли эти листы могли пострадать в каком-то другом пожаре после 1747 г.

²¹ На с. 185 даже сказано: «Исследования последних лет показали, что представления о происхождении первых тибетских и монгольских рукописей, доставленных из Сибири в Петербург, необходимо пересмотреть и уточнить, так как Аблай-хит был не единственным возможным местом их обнаружения. В бассейне реки Иртыш располагались и другие заброшенные буддийские культовые строения, где могли быть сделаны находки». Но дальнейшее изложение автора, как мне кажется, никак не поддерживает тезиса о необходимости пересмотра этих представлений.

²² При этом, конечно, некоторые листы могли попасть в Петербург и иными путями. Достаточно сказать, что Г. Миллер и И. Гмелин в 1734 г. отправили самую большую партию аблай-хитских находок с Кольваново-Воскресенских заводов.

во-первых, листы из разных мест самым естественным образом могли оказаться в одних и тех же руках (временная разница между обнаружением Семи Палат и Аблай-хита составляла всего 3–4 года); во-вторых, они могли накапливаться в тех или иных собраниях независимо друг от друга (разные лица могли их доставлять — и доставляли! — в Санкт-Петербург, Лондон, Париж и т. д.).

Н. В. Ямпольская проанализировала самые первые в Европе печатные упоминания обнаруженных на Иртыше построек и найденных в них рукописей. Сюда относятся книга Дж. Белла о путешествии по России (Bell 1763) (издана в 1763 г., но основана на его путевом дневнике; интересующий нас эпизод датируется декабрем 1719 г. — январем 1720 г.), книга Ф. Вебера о России (Weber 1721), две заметки в парижской «Gazette» (октябрь 1721 г.), заметка И. Менке (июль 1722 г.).

В дневнике Дж. Белла содержится краткое, но довольно яркое описание Семи Палат и указано, что в них имелись во множестве письма тангутов или калмыков. Пачку листов оттуда Дж. Белл приобрел у некоего солдата на улице Тобольска и после возвращения в Англию раздарил друзьям, в том числе Г. Слоуну (ныне в Британской библиотеке имеются два монгольских листа на синей бумаге с золотыми письменами, которые надежно атрибутируются как полученные Г. Слоуном от Дж. Белла; см. с. 219–221). Н. В. Ямпольская не оспаривает самого факта приобретения листов Дж. Беллом в Тобольске (а он автоматически опровергает версию о нахождении первых листов в Аблай-хите в 1720 г.), но подчеркивает, что сам Дж. Белл в Семи Палатах не был: «Описание это основано, насколько можно судить, по большей части на рассказах местных жителей» (с. 192). Не говоря об этом прямо, она использует данное обстоятельство, чтобы не признавать Семь Палат как источник происхождения рукописей.

Свидетельство Ф. Вебера, видевшего подобные листы не позднее 1719 г. в Санкт-Петербурге, Н. В. Ямпольская прямо не опровергает, но дезавуирует, указывая, что в его книге не содержится подробного описания листов, так что об «их характеристиках можно только догадываться» (с. 198). Правда, в следующем же абзаце она упоминает Ф. Страленберга, который, комментируя слова Ф. Вебера в своей книге 1730 г., определенно толковал эти листы как прииртышские. Н. В. Ямпольская также обращает наше внимание на то, что «в той области помимо Семи палат и Аблай-хита были и другие пустовавшие строения — так называемая “Калбасунская башня”, несколько безмянанных полуразрушенных построек. Кроме того, есть свидетельства обнаружения рукописей и в других местностях Восточной Сибири» (с. 203). На мой взгляд, это не более чем риторическое затуманивание сути вопроса: ни Калбасунскую башню²³, ни какие-то иные пустовавшие строения (какие именно, кстати?) никто и никогда не упоминал в качестве источника рукописей, а находки буддийских текстов на территории современной Тывы («другие местности Восточной Сибири») не имеют никакого отношения к джунгарским прииртышским монастырям.

Н. В. Ямпольская ставит под сомнение мою идентификацию постройки, в которой были найдены загадочные листы и которая довольно подробно описана в «Gazette» и И. Менке, с главным зданием семипалатинского комплекса. Первая из двух заметок, опубликованных анонимным корреспондентом из Санкт-Петербурга, описывает его как «большое здание из камня, более чем наполовину покрытое песком»²⁴. В заметке, опубликованной И. Менке (возможно, со слов

²³ О ней см. подробнее у Г. Миллера (Радлов 1894: 57), который, между прочим, указывает, что на карте Н.-К. Витсена (или Витзена) ее обозначение аннотировано словами: «каменное, но уже обрушившееся здание». Карта датирована 1687–1698 гг., что уже ставит под сомнение даже гипотетическую возможность неожиданного обнаружения в ней рукописей во второй половине 1710-х годов. Более того, недавние археологические разыскания группы казахстанских ученых, кажется, полностью опровергают какую-либо связь башни с буддийской религией и подтверждают предположение, что это был «средневековый портално-купольный мавзолей» (Смагулов 2012: 99 и далее).

²⁴ Я использую русский перевод фразы, предложенный Н. В. Ямпольской (с. 203). Хочу отметить, что ни в одной из своих статей я ее не *переводил* (именно такое слово использует моя коллега в своей критике, с. 203, сн. 20), ограничиваясь *интерпретацией* смысла фразы. Поскольку, как выяснилось, моя трактовка оказалась не для всех убедительной, я сожалею, что не остановился в своих прежних статьях на этом моменте подробнее. В то же время мне хотелось бы поблагодарить Н. В. Ямпольскую за то, что она взяла на себя труд перевести целый ряд относящихся к делу фрагментов с латыни и других европейских языков, которых нет в переводе В. В. Радлова. Это, безусловно, облегчает работу других исследователей и читателей.

И. Шумахера) говорится про «развалины великолепнейшего здания (лат. *aedificii splendidissimi*). Когда же вошли в него, под землей (лат. *sub terra*) обнаружили помещения, пол и стены которых были сделаны из отполированного камня»²⁵. В анонимном описании, зафиксированном Беллом, говорится о здании «из кирпича или камня». Я полагаю и полагаю, что единственным известным нам строением, которое соответствует этому описанию, является семипалатинский храм. Ср. его характеристики, данные Г. Миллером в 1734 г.: «Здание между остальными, по-видимому, главное, нижняя часть которого выстроена из плитняка, а верхняя из сырцового кирпича; оно большею частью обрушилось»; и В. Шишковым в 1737 г.: «Оные [полаты] кладены на земле из дикова камня синева плитняка вышины 1½ сажень, и тут был верх деревянной, а по тому верху, на той же полате, кладено кирпичей необожженных, которые все полаты и розвалились, а кирпич делан из красной глины с песком» (Радлов 1894: 142)²⁶. В формулировке авторов рассматриваемой книги, «одно здание было сложено от фундамента до середины стены из камня-плитняка, а в верхней части — из окрашенных сырцовых кирпичей» (с. 57). Неудивительно, что верхняя половина здания, сделанная из сырцового кирпича (т. е. из кусков необожженной глины), с течением времени рассыпалась, превратившись *по большей части* в песок. Из того же непрочного материала были сделаны и другие (столь же сильно руинированные к середине 1730-х годов) постройки Семи Палат. И только нижняя половина главного здания (оказавшаяся под землей, будучи засыпана сухой глиной) была сделана из камня, редкого в этой части Иртыша. «Отполированному» камню может соответствовать сланец, который там как раз встречается. Любопытный артефакт из такого сланца был обнаружен в 1857 г. в захоронении на месте давно исчезнувшего семипалатинского комплекса²⁷.

Допустим на миг вслед за Н. В. Ямпольской, что представленные выше свидетельства об обнаружении рукописей ненадежны. Разве это отменяет вопрос о том, откуда все-таки взялись листы, образцы которых были приобретены Дж. Беллом в самом конце 1719 г. или в самом начале 1720 г. и обследованы Ф. Вебером не позднее 1719 г. в Санкт-Петербурге? Пытается ли коллега ответить на этот вопрос? Исключая совершенно неубедительную отсылку к Калбасунской башне, безымянным полуразрушенным постройкам и текстам из Восточной Сибири — нет. Единственным надежным в ее глазах источником поступления тибетских и монгольских листов остается Аблай-хит. Если имеющиеся в ИВР РАН многочисленные монгольские листы на белой бумаге (их более тысячи) и две сотни тибетских листов на темно-коричневой бумаге надежно атрибутируются как аблай-хитские, то по поводу листов на синей бумаге (как тибетских, так и монгольских) уверенности в такой атрибуции быть не может. Я полагаю, что тибетские листы такого типа определенно происходят из Семи Палат, и совсем не исключаю, что это может относиться и к монгольским листам. Во всяком случае, два монгольских листа, переданные Беллом Слоуну²⁸ и хранящиеся ныне в Британской библиотеке, заставляют всерьез относиться к этой гипотезе, которую Н. В. Ямпольская, как уже было сказано, игнорирует²⁹.

²⁵ Цитирую в переводе с латыни Н. В. Ямпольской (с. 207).

²⁶ Цитирую в переводе с латыни В. В. Радлова (Радлов 1894: 59).

²⁷ Как указывал Галсан Гомбоев, этот кусок сланца следует трактовать как инструмент для растирания красок, найден же он был вместе с гранитным блюдом — своего рода чернильницей. По мнению Г. Гомбоева, эти два предмета принадлежали захоронению буддийского писца или живописца (Гомбоев 1861: кол. 216–217).

²⁸ При этом в труде Белла не упоминается других покупок таких листов.

²⁹ Это тем более странно, что, как пишет сама Н. В. Ямпольская, «рукописей на монгольском языке, написанных золотом на синей бумаге, И.-Г. Гмелин не упоминает» (с. 196), при том что именно И. Гмелин (вместе с Г. Миллером) обеспечил Санкт-Петербургскую академию наук подавляющим большинством имеющихся у нас ныне рукописных материалов из Аблай-хита. Отмечу, что цитата из работы Н. В. Ямпольской не совсем корректно передает слова И. Гмелина: «а калмыцкие [рукописи] **все** (выделено мною. — А. З.) на белой бумаге, написаны черными или красными чернилами» (цитируется в переводе с немецкого Л. В. Малиновского /Гмелин 1999: 136/, в оригинале: *die Kalmuckischen aber alle auf weiß Papier mit schwarzer oder rother Dinte geschrieben* /Gmelin 1751: 236/). То есть он не то что «не упоминает» синих листов, а прямо пишет, что **все** листы на монгольском языке были на белой бумаге.

Справедливости ради добавлю, что в том же предложении Гмелин утверждает, будто тибетские листы были на синей (*blaus*) бумаге, что явно неверно в отношении аблай-хитских листов: в официальном отчете И. Гмелина и Г. Миллера речь шла о листах на темно-фиолетовой бумаге (в реальности она темно-коричневая или даже черная; возможно, при определенном освещении она показалась им фиолетовой — этот вопрос не до конца ясен).

Ничуть не меньшего внимания заслуживает в данном контексте синий лист с золотыми письмена на монгольском языке, хранящийся в шведском Линчэпинге. На нем имеется надпись русским письмом XVIII в., которая содержит указание на Белоярскую крепость (близ Бикатуна/Бийска) и четко читаемую датировку — июль 1720 г.³⁰ Таким образом, этот лист не может происходить из Аблай-хита, даже если он был открыт уже в конце 1720 г. Очень жаль, что Н. В. Ямпольская никак не комментирует это обстоятельство, когда характеризует данный лист как «обнаруженный в Аблай-хите» (с. 255)³¹.

Скажем далее, что новость об обнаружении Аблай-хита распространилась в Тобольске явно позже 1 марта 1721 г., когда столицу Сибирской губернии оставил Д. Г. Мессершмидт со своими спутниками, в том числе Страленбергом (тогда носившим фамилию Табберт). Ни первый, ни второй в *бытность свою в Сибири* ничего не знали об Аблай-хите как источнике рукописей. Полагаю, Ф. Страленберг сильно бы удивился, узнав, что небольшое и не очень конкретное примечание в его книге 1730 г. будет использовано в дальнейшем как доказательство того, что первые тибетские листы поступили в Петербург из Аблай-хита в 1720 г. Сам он, вероятно, узнал об обнаружении рукописей в этом монастыре только во второй половине 1720-х годов. При этом само

Также я должен добавить, что Г. Миллер в 1734 г. приобрел фрагмент с изображением Будды Шакьямуни «у солдата Устькамногорской крепости, добывшего его уже прежде» (Радлов 1894: 65), который представляет собой вырезанную из монгольского листа на *синей* бумаге миниатюру. О том, что лист синий, мне стало известно после того, как его удалось опознать среди бумаг Г. Миллера в РГАДА (Ф. 126. Оп. 1. № 2. Л. 4; на этот документ мое внимание обратил В. Б. Бородаев). Хотя из сообщения Г. Миллера не следует наверняка, что солдат приобрел лист именно в Аблай-хите, это кажется вполне вероятным. Однако выявленный фрагмент не содержит текста (исключая слов выражения почтения Будде) и потому может принадлежать книге, никак не связанной с комплектом Ганджура, представленным «золотыми рукописями», которыми занимается Н. В. Ямпольская с коллегами (с. 263–269).

Было бы вполне естественно ожидать, что среди аблай-хитских книг на монгольском языке имелись рукописи на синей бумаге (с черной зоной для текста). Стоит привести слова Миллера из фрагмента, посвященного тем иртышским рукописям, с которыми он познакомился в Сибири: «Писанных, по тунгутскому способу, [монгольских листов] на черной бумаге золотыми буквами я видел немного» (Радлов 1894: 64). На мой взгляд, Миллер едва ли мог охарактеризовать двадцать один такой лист, имеющийся в собрании ИВР РАН, словами «видел немного». Между тем именно благодаря Миллеру и Гмелину эти листы дожились были бы попасть в Санкт-Петербург, если бы они происходили из Аблай-хита, как считает Н. В. Ямпольская.

Дополнительно отмечу следующее. В том же месте упомянутого труда И. Гмелина речь идет о ксилографах, которые, как отмечает Н. В. Ямпольская, могут храниться в ИВР РАН, «но до сих пор не были идентифицированы как обнаруженные в Аблай-хите» (с. 196–197). В 2018 г. мною была опубликована статья, посвященная тибетскому ксилографическому свитку, который может относиться к этим материалам (Зорин 2018).

³⁰ Это чтение привел еще Дж. Ронстрем (Rohnström 1971: 301). В. Б. Бородаев, ознакомившись с цифровой копией листа, полученной мною в декабре 2014 г. от сотрудника городской библиотеки Линчэпинга М. фон Вахенфельда, подтвердил, что дата эта не вызывает никаких сомнений. В записи «АЧК году июля» лигатуры АЧК означают 1720 г. Я хотел бы поблагодарить В. Б. Бородаева не только за это ценное сообщение, но и за важные замечания по поводу некоторых других вопросов, затронутых в статье.

³¹ Можно только отметить, что Н. В. Ямпольская подробно рассматривает невинное измышление писателя А. Стриндберга (зафиксированное в черновой записи, не предназначавшейся к печати), будто лист попал в Линчэпинг от шведского офицера Ю. Г. Рената (с. 218–219). По мнению Дж. Ронстрема, который придал невинной записи характер гипотезы, это могло произойти в 1735 г. при личной встрече Рената с епископом Линчэпинга Э. Бенцелиусом (Rohnström 1971: 303) (а не в 1738 г., как пишет Н. В. Ямпольская; в 1738 г. Бенцелиус получил копию знаменитой карты Рената, причем сделанную не им лично). Поскольку русская надпись на листе датируется июлем 1720 г., эта версия является фантастической: Ренат еще в 1716 г. попал в плен к джунгарам и провел 17 лет в глубине Джунгарского ханства, вдалеке от Тобольска, Семи Палат и Аблай-хита. Между тем мне приходилось уже упоминать о возможной связи этого листа с Ф. Страленбергом (Zorin 2015: 11–12, сн. 21), который находился в научном контакте с Э. Бенцелиусом: в своей книге он упоминает, что подарил епископу камень с арабскими буквами (Радлов 1891: 37–38). В Линчэпинге сохранилось также письмо Ф. Страленберга Э. Бенцелиусу, из которого следует, что он еще в 1724 г. прислал ему для ознакомления приенисейский тибетский лист, который опубликовал потом в своей книге* (благодарю М. Ньюман за помощь в обнаружении этого письма, которое, как мне недавно стало известно, готовит к публикации И. В. Тункина). Из дневника Д. Мессершмидта, который вел Ф. Страленберг, известно, что последний получил по крайней мере один лист, привезенный из Бикатуна (т. е. Бийска, рядом с которым имела Белоярская крепость), правда, он был, по видимому, на тибетском языке (Messerschmidt 1962: 121, 124). Второй лист (неизвестно, на каком языке) Ф. Страленберг также пытался добыть (Messerschmidt 1962: 141), но окончательный итог его попыток нам неизвестен. Исходя из русской надписи, намекающей на близость к Бикатуну, а также тесных контактов Ф. Страленберга с Э. Бенцелиусом, я бы совсем не исключал, что один из этих двух листов и есть тот самый линчэпингский лист, который с легкой руки А. Стриндберга получил название Codex Renatus Linkopensis (Rohnström 1971).

* На всякий случай привожу текст этого фрагмента из письма Ф. Страленберга Э. Бенцелиусу: «Zu letzt schließe noch hie bey eine mir sonderliche aht Schrifft, die am Jenisei Strohme und der wüsteney dahin, oberhalb Crasnojahr in ein alt steinern Gebäude gefunden worden, ich wolte aber bitten sie abcopyren zu lassen und solche zurück zu senden, weil nicht die Zeit dazu habe, und daß Original selbst gern behalten möchte, als ich nur ein exemplar von der sorte habe». Кто знает, не следует ли трактовать просьбу сделать копию и вернуть оригинал листа как указание на то, что ранее он просто дарил своему адресату какие-либо рукописи.

название монастыря стало ему известно уже в 1722 г., но в совершенно отвлеченном контексте. Будучи сподвижником Д. Г. Мессершмидта на протяжении полутора лет, он в этот период вел путевой дневник экспедиции. В записи от 6 марта 1722 г. он зафиксировал сведения, полученные им от калмыцкого толмача Степана о трех наиболее чтимых прииртышскими калмыками (джунгарами) храмах, именуемых *китами*: «In der kalmakschen Sprache aber würde ein solcher Ort oder Bethaus auch Kyht genannt, und solcher wären vornehmlich im Kalmakschen Distrikt drei sonderlich berühmte, als: [1.] Bosta-Chan-Kyht, 2. Ablay-Kyht, 3. Ozturta-Seza-Chan-Kyht» (Messerschmidt 1962: 192). Далее указано их примерное расположение: про Аблай-хит говорится, что он находится в степи в 5–6 днях пути от Иртыша. Таким образом, для Ф. Страленберга в тот период времени Аблай-хит был просто одним из трех чтимых джунгарами монастырей, и именно эта информация запечатлена на анонимной карте Российской империи 1725 г. с аннотациями на французском языке. Полагаю, у нас есть все основания считать, что карта эта принадлежит Ф. Страленбергу³²: едва ли кто-то еще из бывших шведских военнопленных мог указать на карте такие пункты, как *Ablaykyt*, *Bostachanky*, *Otschurtochanky*³³, поместив их условно (и, разумеется, неверно) где-то в прииртышской степи и снабдив аннотацией: «3 Villes desertes des Callmuckes»³⁴. Только на карте, опубликованной Ф. Страленбергом в 1730 г. в качестве приложения к своей книге³⁵, Аблай-хит (названный *Ablaket*) оказывается помещен в правильном месте, неподалеку от Усть-Каменской крепости (*Uschkamen Fort*), и снабжен аннотацией на латыни, гласящей, что в Аблай-хите и Семи Палатах (*in Loci Ablaket et Semi Palat*) были найдены «многочисленные древние книги на тангутском, монгольском и бутанском языках»³⁶ (*multi Libri antiqui in Lingua Tangutika (sic), Mungalica et Butanica*)³⁷. Именно с этой аннотацией коррелирует упомянутая выше фраза из его книги о том, что тибетские рукописи были обнаружены по обеим сторонам Иртыша, но датируется она, подчеркну это еще раз, только 1730 г.

Другой выдающийся исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт в 1728 г., касаясь в общении с Г. Байером темы джунгарских рукописей, передавал ему сведения исключительно о Семи Палатах. Г. Миллер в своей неизданной статье о приенисейских рукописях обвинял Г. Байера в том, что он недопонял Д. Мессершмидта и передал искаженную информацию о географии интересующей нас территории (Радлов 1894: 78–79), однако среди личных бумаг первого российского академика-востоковеда, хранящихся в Глазго, содержится небольшая карта Прииртышья, составленная лично Д. Мессершмидтом 18 января 1728 г. и полностью подтверждающая сведения Г. Байера: Д. Мессершмидт имел самые смутные сведения о верховьях Иртыша, но отметил Семь Палат, снабдив этот пункт аннотацией на латыни, согласно которой там были найдены «тангутские книги, привлекая внимание парижан и всей Европы»³⁸. Таким образом, вернувшийся из Сибири Д. Мессершмидт твердо знал о семипалатинской библиотеке и при этом даже не подозревал, что выше по течению Иртыша имелся еще один джунгарский монастырь с рукописями.

³² Как указывает Г. М. Новлянская, «прямое указание еще на одну карту Ф. Страленберга было найдено в свое время В. Ф. Гнучевой в реестрах карт Географического департамента, где она значилась как “Carte générale de la Russie, 1725. Par Strahlenberg dans un cadre doré”. Но судя по подготовительным материалам реестра 1748 г., эта карта была уже утрачена» (Новлянская 1966: 66).

³³ Первому и третьему монастырям из этого списка авторы рассматриваемой книги уделяют внимание, причем если следы Очирту-хан-кита археологами пока не обнаружены, то руины Бошохту-хан-кита были выявлены еще в середине 50-х годов XIX в. (с. 65–68). Скорее всего, именно эти монастыри Ф. Страленберг имел в виду в цитированной выше сноске («в тех же степях находятся развалины различных городов»).

³⁴ Расхождения в конкретном написании этих наименований в путевом дневнике и на карте, мне кажется, могут быть объяснены тем, что дневник остался у Д. Мессершмидта и, соответственно, не был в распоряжении Ф. Страленберга.

³⁵ Необходимо заметить, что соавтором этой карты выступил еще один бывший шведский военнопленный И. А. фон Матерн.

³⁶ И под тангутским, и под бутанским языками, конечно, подразумевается тибетский. Вероятно, Ф. Страленберг, который не имел хорошей лингвистической подготовки, мог во втором случае иметь в виду не язык, а тип письма — тибетский полуустав, образец которого он посылал Э. Бенцелиусу (см. выше) и опубликовал в 1730 г.

³⁷ Этот фрагмент карты воспроизведен в рассматриваемой книге на с. 55.

³⁸ Полный текст: «Sem-palati, h[oc] e[st] Septem palatia quod totidem ibi diruta sunt in quibus reperti sunt libri Tangutani, qui Parisiensium et totius Europae curiositatem aduertere». Благодарю Д. Уэстона, каталогизатора коллекции Г. Байера в Библиотеке Университета Глазго, за возможность ознакомиться с этой картой, а также Х. Вальравенса за консультацию по поводу указанной аннотации. Карта находится в составе ед. хр. под шифром MS Hunter 213 (Weston 2018: 47–48).

Между прочим, среди вещей Г. Байера, оказавшихся в Глазго, имеется и группа предметов из иртышских монастырей: несколько разрозненных листов разных типов, буддийская икона и даже целая книга!³⁹ За исключением последней, они были зафиксированы академиком в каталоге своей библиотеки, согласно которому часть предметов (по крайней мере икона и один монгольский лист) были получены им от некоего барона Ребиндера⁴⁰, которого Г. Байер упоминает также в своей книге «*Museum Sinicum*» (Bayar 1730: 109). Эти вещи (равно как и все остальные, исключая целую книгу, о которой, повторюсь, в каталоге его библиотеки нет сведений) атрибутируются Г. Байером как семипалатинские. Г. Байер не знал об Аблай-хите и все листы считал происходящими из Семи Палат. К сожалению, нам неизвестно, когда именно и где Г. Байер встречался с Ребиндером, но это, очевидно, был один из шведских военнопленных, проживших несколько лет в Тобольске⁴¹, и он также ничего не сообщал Байеру об иных источниках поступлений помимо Семи Палат. Наличие иконы среди переданных им предметов вообще представляется уникальным событием, порождая вопрос о том, мог ли барон Ребиндер приобрести эту вещь, не побывав на месте или во всяком случае не зная доподлинно, откуда она поступила.

Наконец, возвращаясь к свидетельству из дневника Дж. Белла, зададимся вопросом, кто мог выступить для иностранного путешественника в Тобольске источником «наилучшей информации» о Семи Палатах (*the best information I could obtain*). Вряд ли это был солдат, случайно встреченный на улице. Куда вероятнее, на мой взгляд, что это был кто-то из шведских военнопленных, которые не были узниками в обычном смысле слова и могли использоваться по усмотрению местной администрации за пределами Тобольска: некоторые из них были задействованы и в продвижении русских сил по Иртышу⁴². Тот же Ф. Страленберг сумел, будучи в Тобольске, составить довольно подробную карту Сибири (Новлянская 1966: 29–31). Трудно поверить, что новость об обнаружении второго источника рукописей до 1721 г. могла пройти мимо него и других образованных и любознательных иностранцев, по воле рока оказавшихся в Тобольске, но уже в 1722 г. массово его покинувших в результате заключения мирного договора между Россией и Швецией. В их отсутствие у кого мог Г. Миллер в 1734 г. получить надежные сведения о семипалатинской библиотеке? Почему мы должны рассматривать как нечто значимое сведения поздних и анонимных источников, между тем как сразу несколько известных европейцев, при которых непосредственно происходило продвижение

³⁹ Ед. хр. PL62 (Weston 2018: 191). Насколько можно судить, это полный список «Восьмитысячной Праздникапарамиты», текст написан серебряной краской на синей бумаге. Предварительное сравнение почерка данной книги с почерками имеющихся у нас листов на темно-коричневой и синей бумаге (т. е. аблай-хитских и семипалатинских соответственно) приводит к выводу о стилистическом сходстве всех трех образцов. Полагаю, мы можем быть уверены в том, что рукопись из Глазго действительно принадлежала одной из двух джунгарских библиотек. Углубленное изучение этой рукописи, возможно, позволит пролить свет на то, как именно эти библиотеки формировались: были ли книги привезены откуда-то или хотя бы частично созданы местными писцами? Иными словами, не имелось ли в этой части Джунгарского ханства особой школы изготовления рукописей?

В связи с палеографией прииртышских рукописей хотелось бы упомянуть один любопытный факт, не отмеченный Н. В. Ямпольской: один из тибетских листов, по всей видимости, послужил основой для известного «шрифта Йешке» (впервые использован в 1881 г.). К этому выводу приходит Х. Вальравенс в статье, посвященной (семипалатинскому) тибетскому листу на синей бумаге с золотыми письменами, имевшемуся в Берлине в XIX в. (ныне судьба его неизвестна) (Walravens 2016: 191). Этот конкретный лист, правда, не мог быть взят за основу (здесь Х. Вальравенс, видимо, ошибся), поскольку создателями шрифта, как указано в статье, была использована рукопись с *серебряными* письменами. Возможно, в основу шрифта был положен какой-то аблай-хитский лист. Как мы видим, сходство в почерках рукописей, происходящих из двух разных монастырей, может приводить к путанице, что, безусловно, требует осмысления.

⁴⁰ СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 71. № 2. Ед. хр. 47 и 48 («*Catalogus librorum Dⁿⁱ Prof. Bayeri*»: автограф и копия рукой И. Хр. Калау), см. раздел 3 («*Tangutana Mungalica Calmucica Tatarica*»), № 4, 5 и 11 (л. 6 об. и 8 соответственно); и раздел без названия, следующий за 13-м (=старый список), № 41, 42, 56 (л. 30–30 об. и 31–31 об. соответственно).

⁴¹ Н. В. Ямпольская полагает (без обоснования), что это был Отто Магнус Ребиндер (с. 228). По мнению К. Лундбэка, автора биографии Байера, это был Хенрик Юхан Ребиндер. В подтверждение приводится не очень убедительный аргумент, что, «как говорят, это был человек образованный» (*who is said to have been an educated person*) (Lundbaek 1986: 161, сн. 18). Д. Уэстон называет обоих как вероятных кандидатов (без обоснования). Согласно общедоступной информации о генеалогическом древе рода Ребиндеров, в тобольском плену находились еще трое офицеров с той же фамилией, а именно Отто Хендрик, Бернт и Карл Херман; еще один, Фабиан Эверт, в Тобольске умер (https://www.adelsvapen.com/genealogi/Rehbinder_nr_77). В «*Museum Sinicum*» Г. Байер пишет, что *его* Ребиндер был взят в плен под Полтавой (что может означать и у Переволочной). Из пяти человек только трое отвечают этому критерию: Хенрик Юхан (1684–1749), Бернт (1670-е — 1729) и Карл Юхан (конец 1680-х — 1755). Как знать, быть может, дальнейший поиск в этом направлении принесет новую важную информацию.

⁴² Достаточно вспомнить историю Ю. Рената, упоминавшегося выше.

русских по Иртышу, недвусмысленно говорят о семипалатинских рукописях, а зафиксированное в европейской печати описание храма с книгами в значимых деталях напоминает описание главного здания Семи Палат и отнюдь не Аблай-хита?

Предположение о том, что Аблай-хит мог быть найден до 1720–1721 гг. (только так можно было бы альтернативным путем объяснить появление рукописей не позднее 1719 г.), во-первых, не имеет *абсолютно никаких, даже косвенных* подтверждений, во-вторых, и гипотетически чрезвычайно сомнительно, поскольку монастырь находился вдалеке от Иртыша и трудно поверить, что русские могли совершить столь дерзкую вылазку на весьма удаленную чужую территорию, не поставив предварительно острога (каковым стала Усть-Каменская крепость)⁴³. Даже в 1734 г. Г. Миллер и И. Гмелин остереглись ехать в уже хорошо известный местным жителям Аблай-хит, боясь долгого пути и нападения кочевников, о чем впоследствии сожалели (Gmelin 1751: 233, 237).

Остановимся теперь на том, как Н. В. Ямпольская трактует историю знаменитого тибетского листа из Аблай-хита, который был опубликован в 1722 г. И. Менке и затем в течение ста лет вызывал интерес европейских ученых⁴⁴. Согласно ее изложению, «в феврале 1721 г. библиотекарь Петра Великого Иоганн Даниил Шумахер (1690–1761) отправляется в Европу с целью изучить устройство зарубежных библиотек и берет с собой листы сибирских рукописей... Весной он оказывается в Лейпциге, где показывает лист профессору Иоганну Буркхарду Менке» (с. 202). Из этой фразы не совсем понятно, сколько листов, по мнению автора, взял с собой Шумахер: один или несколько. В любом случае получается, что уже в феврале 1721 г. в Петербурге имелся по крайней мере один аблай-хитский лист, который весной того же года был продемонстрирован И. Шумахером И. Менке, а годом позже он воспроизвел его в издании «Acta eruditorum».

Между тем доподлинно известно, что первая депеша об обнаружении Аблай-хита, включавшая в качестве образца шесть листов, была отправлена А. М. Черкасским в Санкт-Петербург в августе 1721 г. Более того, в списке поручений, данных И. Шумахеру перед отправкой в Европу, ни слова не говорится о таинственных письменах. Характер этого списка (включающего, например, такие пункты как «3. О рукодельниках и инструментах, их зачатой книге (sic) и эстампах, также же тубе акустице от отца Себастиана уведомиться», «8. Огородника, который у господина де ла Курта в Лейдене работал, сюда прислать» и т. п.⁴⁵) заставляет сильно сомневаться в том, что в нем могло быть не упомянуто задание справиться о загадочных рукописях, содержание которых сильно занимало Петра I. Намного более вероятным представляется, что листы Шумахеру были присланы значительно позже: в конце 1721 г. или в начале 1722 г.⁴⁶

⁴³ Такое было бы возможно, если бы Аблай-хит находился в непосредственной близости от Иртыша, так как во второй половине 1710-х годов было совершено несколько экспедиций по нему (водных и одна по земле вдоль реки). Но монастырь находился довольно далеко от Иртыша и невозможно представить, чтобы русские военные могли зачем-то отклониться от маршрута (и без того опасного) и, сделав многокилометровый крюк по гористой местности, выйти именно к монастырю, о существовании которого они не знали. Более того, они должны были еще умолчать об этой находке в своих отчетах.

⁴⁴ В изложенной ею истории (с. 210–211) недостает, между прочим, поразительного эпизода с П. Л. Шиллингом фон Канштадтом, которому удалось отождествить фрагмент из этой рукописи, листовая том буддийского канона, который ему по своему случайному выбору принес лама одного из бурятских монастырей в 1830 (?) г. Шиллинг заказал перевод фрагмента на монгольский язык (Schilling 1848: col. 325–326), что, однако, не имело своим следствием научной публикации. Первый правильный перевод текста, выполненный Ш. Кёрёши Чомой на английский язык, вышел из печати в 1832 г., т. е. чуть позже событий, описанных Шиллингом.

⁴⁵ Полный список см.: (Пекарский 1862: 533–534).

⁴⁶ В третьем томе известной книги голландского путешественника К. де Брюйна (вышел в 1725 г.), где излагаются (с чужих слов и не вполне достоверно) различные сведения о Сибири, содержится в том числе «мемуар» И. Шумахера с пометкой «октябрь 1721 г.», в котором описываются антиквитеты, присланные Петру I из Сибири, в том числе рукописи. В конце упоминается, что язык рукописей был опознан парижанами [Э.] Фурмоном и [Н.] Фрере как тибетский и что их разъяснение по этому вопросу можно найти в научном издании «Journal des Sçavants» (Bruyn 1725: 475). Можно не сомневаться, что приведенная выше дата (октябрь 1721 г.) либо вовсе ошибочна, либо не относится ко всему тексту заметки: Фурмон и Фрере (в распоряжении последнего имелся тибетско-итальянский словарь иезуита де Фано) получили в свое распоряжение тибетский лист в августе 1722 г. — это хорошо известно, см., например, описание истории перевода листа в пятом томе «Истории Королевской академии наук» (Histoire 1729: 4–7). Напомним, что и в публикации Менке 1722 г. язык рукописи еще не идентифицирован. Можно было бы предположить, что данный фрагмент «мемуара» относится к осени 1722 г., но мне не удалось найти соответствующей этой дате заметки об идентификации языка рукописи в «Journal des Sçavants» (я проверял и парижскую, и амстердамскую версии издания, отличающиеся друг от друга, за 1722 и, на всякий случай, 1721 гг.). Отмечу, что в «мемуаре» упоминается книга

Это подтверждается ранее неизвестным мне письмом, которое отправил И. Шумахер аббату Биньону из Амстердама 18 июня 1722 г.⁴⁷ Текст письма был опубликован Ж. Порше в статье «Петр Великий и Парижская Королевская Библиотека» в томе IV «Временника общества друзей русской книги», издававшегося русской эмиграцией в Париже. Из письма следует, что, вернувшись в Голландию из Англии, И. Шумахер обнаружил присланный ему (из Петербурга?) подлинный лист с образцами письмен, найденных в «стране калмыков» и описанных в «Gazette», вместе с приказом передать лист аббату, чтобы тот поделился своим мнением по его поводу (Порше 1938: 50)⁴⁸.

К сожалению, я не имел возможности сверить публикацию с оригиналом, но, поскольку Ж. Порше был хранителем Парижской национальной библиотеки, можно полагать, что датировка указана верная. Между тем она требует объяснений. Дело в том, что, если И. Шумахер отправил лист аббату Биньону уже в *июне* 1722 г. из Амстердама, не совсем ясно, как этот лист мог быть воспроизведен И. Менке в «Acta eruditorum» в *июле* того же года. Причем в сопроводительной статье И. Менке прямо пишет, что И. Шумахер, возвращаясь из Парижа через Англию и Голландию (названную Бельгией), заехал к нему (видимо, в Лейпциг) и привез с собой этот самый лист (Mencke 1722: 374–375). Как же можно объяснить эту явную нестыковку в датах? Проще всего, на мой взгляд, предположить, что И. Шумахер не отправил сам лист вместе со своим июньским письмом. В нем, собственно, и не содержится утверждения об отправке листа. И. Шумахер лишь предлагает аббату Биньону рассмотреть возможность принять лист в коллекцию Королевской библиотеки, если в ней сыщется свободный «уголок». Возможно, И. Шумахер отправил лист позже, получив ответ от Биньона. С этим хорошо согласуется информация из другого документа, также опубликованного Ж. Порше, а именно отчета Э. Фурмона об обстоятельствах появления тибетского листа в Париже и его перевода на латынь и французский. Согласно этому документу, аббат Биньон получил депешу с листом 1 августа 1722 г. (Порше 1938: 51)⁴⁹.

Перейдем теперь к связанной с этим вопросом гипотезе о передаче И. Шумахером некоторых других листов Г. Слоуну. О том, что в Британском музее (ныне Британской библиотеке) имеются

Б. Монфокона, изданная в 1724 г. То есть данный текст никак не может служить свидетельством тому, что уже в октябре 1721 г. тибетский лист находился в Париже. Это важно понимать, поскольку иначе нам надо было бы объяснять, как аблай-хитский лист, отправленный из Тобольска 25 августа 1721 г., мог так быстро добраться до Парижа с учетом невысокой скорости транспортировки в те времена. Теоретически можно было бы допустить, что в Париж был сначала отправлен какой-нибудь семи-палатинский лист или копия листа (в заметке «Gazette» говорится о распоряжении Петра I сделать некие копии для отправки в Париж и Лондон), но это было бы не чем иным, как пустыми домыслами.

Книга де Брюйна важна скорее другим. В ней опубликована карта России, согласно которой земли калмыков якобы находились неподалеку от Каспийского моря, к *северо-востоку* от него. Это служит хорошей иллюстрацией к тому факту, что привязка таинственных «калмыцких» писем к разведке Каспийского моря была важной составной частью европейских представлений о них в течение всех 1720-х годов (ситуация менялась с выходом книги Ф. Страленберга в 1730 г.).

⁴⁷ Благодарю А. А. Сизову за информацию о нем.

⁴⁸ Позволю себе перепечатать весь текст письма целиком:

«Monsieur,

Après mon retour d'Angleterre en Hollande, j'ay trouvé cet original cy joint des caractères qu'on a rapporté du pays des Calmucks et dont la Gazette a fait mention avec ordre de vous le faire rendre, en vous priant d'en vouloir bien dire vos sentiments.

Ce que je fais avec autant plus de plaisir que je sais qu'il n'y a personne au monde qui est plus capable d'en juger que Vous, Monsieur. Cet exemplaire est le plus complet de tous ceux que nous avons, si vous croyez, Monsieur, qu'il mérite un petit coin dans la Bibliothèque du Roy ou dans la vôtre, je vous prie de luy accorder cet honneur.

Je ne partiray d'icy qu'en quelques mois pour Moscou d'où j'auray l'avantage de vous assurer plus amplement de mes très humbles respects, me faisant gloire d'être,

Monsieur,

Votre très-humble et très-obéissant serviteur

Schumacher.

à Sibourg ou
Carls-Haven,
18 Juin 1722.

Chez Mr Van der Bourg à Amsterdam».

⁴⁹ Я рад сообщить, что в 2018 г. мне удалось лично опознать этот знаменитый лист в собрании Национальной библиотеки Франции, впервые подтвердив, таким образом, информацию Ж.-П. Абель-Ремюза, датированную далеким 1820 г. (Abel-Rémusat 1820: 332, сн. 1).

аблай-хитские листы, «которые, вероятно, были привезены в Лондон библиотекарем Шумахером в 1721 г. и когда-то принадлежали Слоуну»⁵⁰, писал А. А. Шифнер в своем отчете о посещении музея в 1863 г., где его экскурсоводом выступил хранитель восточных рукописей Шарль Рьё (Schiefner 1864: 44–45). Н. В. Ямпольская подчеркивает, что Шифнер высказал данную версию «лишь в качестве предположения» (с. 223, сн. 44). Это, безусловно, так, но надо понимать, что А. А. Шифнер был человеком чрезвычайно педантичным и едва ли написал бы такое исходя из собственных фантазий. Остается только сожалеть, что он не пояснил, какие именно основания имелись в его распоряжении (я полагаю, этой информацией с ним поделился Ш. Рьё, но это действительно лишь гипотеза). Очень хочется надеяться, что однажды британские коллеги проведут поисковую работу в своих архивах и попытаются установить степень достоверности информации А. А. Шифнера⁵¹. Я могу только еще раз указать на то, что в коллекции Британской библиотеки на данный момент хранится *пять* рукописных листов из Аблай-хита на темно-коричневой бумаге. Если учесть, что первая посылка таких листов князем А. М. Черкасским в Санкт-Петербург состояла из шести листов и *один* из них попал в Париж, столь подозрительное числовое совпадение не может не вызывать вопросов⁵².

Вспомним также, что, когда аббат Биньон обратился в Петербург с просьбой прислать еще образцы тибетских писем, он получил ответ от Л. Блюментроста (датируемый февралем 1724 г.), из которого следовало: «Он [Петр I] приказал собрать возможно больше рукописей, чтобы осветить историю страны, в которой они найдены. Новые находки хотел послать в Париж, но, к сожалению, не удалось найти значительного количества рукописей. Многие из них оказались разбросанными и разорванными невежественными людьми, которые употребляли рукописи для своих надобностей»⁵³. Если это не было обманом (теоретически таковой мог быть оправдан возможным недовольством Петра I качеством перевода листа), значит, в Петербурге отсутствовали остальные пять листов, присланные А. М. Черкасским. Если они не были переданы И. Шумахером Г. Слоуну во время английской части его путешествия, то куда же они могли подеваться?

Отмечу попутно, что письмо Л. Блюментроста ставит перед нами еще одну проблему. Дело в том, что среди 33 «семипалатинских» единиц хранения Тибетского фонда ИВР РАН примерно половину составляют цельные листы, а вторую половину — разного рода фрагменты вплоть до срезанного тонкого слоя бумаги с текстом, что указывает на сугубо утилитарное использование буддийских рукописей, попавших в «нечестивые руки». Именно о таких дефектных листах говорится в цитированном письме. Откуда же взялись целые синие листы, если в 1724 г. их и правда не было? Моя рабочая гипотеза состоит в том, что их привез Д. Мессершмидт.

До недавнего времени я полагал, что у нас нет никаких доказательств этому, поскольку ограничивался сведениями из биографии Д. Мессершмидта М. Г. Новлянской: «Когда же он обратился в Тобольский приказ с просьбой доставить ему шайтанов, предметы, найденные в могильниках, древние татарские рукописи и при этом просил, чтобы ему не только показывали, но и давали бы возможность срисовывать их, то на это получил ответ, что, согласно тексту последнего указа, ему

⁵⁰ Цитирую в переводе с немецкого Н. В. Ямпольской (с. 223).

⁵¹ Необходимо отметить, что И. Шумахер едва ли мог своевольно, без указания из Санкт-Петербурга подарить какие-либо материалы Г. Слоуну (я благодарю за это указание Н. П. Копаневу). Поэтому поиск в российских архивах также может принести новые сведения по этому вопросу.

⁵² Справедливости ради отмечу вслед за Н. В. Ямпольской (с. 221), что в первом каталоге библиотеки Слоуна, изданном в 1782 г., приводится трудно объяснимая и, возможно, ошибочная информация о рукописях с шифрами, под которыми ныне хранятся указанные пять листов (Sloane 2837a-e), а также два листа Белла (Sloane 2836) и еще один тибетский лист на синей бумаге (т. е., в моем понимании, семипалатинский) (Sloane 2838). Согласно каталогу 1782 г., всего под этими шифрами значились девять листов вместо восьми нынешних, причем шифры Sloane 2836 и 2837 вместе состояли из восьми тибетских свитков на синей бумаге, а Sloane 2838 представлял собой один монгольский свиток на синей бумаге. (Я согласен с Н. В. Ямпольской в том, что автор каталога называл тибетское письмо «священным тартарским», а монгольское — «обычным тартарским».) Как мы видим, не совпадает с нынешним не только количество листов, но и распределение по языкам (один монгольский лист вместо двух) и описание цвета рукописей (все листы синие, что определенно является ошибкой).

⁵³ Цитирую в пересказе Е. А. Княжецкой (Княжецкая 1989: 22–23), но я в свое время видел копию с этого письма в СПБФ АРАН и подтверждаю его достоверность.

без особого разрешения на то ничего, кроме самого необходимого, а именно подвод, не полагается» (Новлянская 1970: 15–16). Эта информация справедлива, но не исчерпывающа: недавняя публикация полных текстов писем и документов великого исследователя Сибири за интересующий нас период содержит недвусмысленное указание на то, что уже в первой половине 1720 г. в его распоряжении имелись некие «калмыцкие письма», приобретенные не при помощи местных чиновников, а за свой счет⁵⁴. Трудно сказать, можно ли рассчитывать когда-либо получить дополнительные сведения по этому вопросу, но, если Мессершмидт и правда привез купленные в Тобольске калмыцкие (т. е., возможно, и тибетские, и монгольские листы) из Семи Палат, это закрывает серьезную лакуну в истории поступления иртышских рукописей в Санкт-Петербург. Любопытно, что, сам не зная того, Д. Мессершмидт получил и два аблай-хитских листа на тибетском языке (а также, по-видимому, несколько на монгольском). Произошло это в Абаканском остроге 23 декабря 1721 г. (Messerschmidt 1968: 104), что вполне согласуется с гипотезой об обнаружении Аблай-хита в первой половине того же года: за несколько месяцев листы вполне могли добраться до Абаканского острога⁵⁵.

Осталось сказать только, что И. Шумахер и европейские ученые, с которыми он обсуждал загадочные письма, не понимали, что полученный им из Петербурга лист (или листы) на темно-коричневой бумаге и листы на синей бумаге, описанные в «Gazette», происходят из разных источников. Н. В. Ямпольская справедливо обращает внимание на то обстоятельство, что в «Gazette» речь шла о рукописях с белыми буквами (тогда как листы, которые я идентифицирую как семи-палатинские в собрании ИВР РАН, содержат золотые письма). Однако мнение коллеги, что «о полном соответствии говорить нельзя, так как листов сине-черного цвета с “белым” (серебряным) текстом нет среди хранящихся в ИВР РАН и Европе» (с. 208), ставится под сомнение упомянутой выше книгой из собрания Г. Байера в Глазго: это рукопись на синей бумаге с золотыми и серебряными письмами на черном фоне в зоне текста. Ее комплексное обследование сейчас является первоочередной задачей.

Что же можно сказать в заключение относительно основного вопроса, рассмотренного в этой статье? Действительно ли у нас нет веских доказательств обнаружения первых тибетских и монгольских листов в Семи Палатах? Стоит ли вслед за Н. В. Ямпольской считать рукописное наследие этого монастыря «призрачным»? Как сказали бы, вероятно, европейские ученые XVIII в. — *Dixi*. Пусть читатель сам определит, чья позиция базируется на более объемном и комплексном проникновении в документы той далекой и волнующей воображение эпохи. Мне остается только надеяться, что дальнейшие поиски позволят обнаружить дополнительные материалы по столь интересующей меня и других исследователей теме.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Байтаков К. М., Ерофеева И. В., Казизов Е. С., Ямпольская Н. В. Буддийский монастырь Аблай-хит / науч. ред. Д. А. Воякин. Алматы, 2019.

Басаргина 2019 — Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: письма и документы. 1716–1721 / сост. Е. Ю. Басаргина, С. И. Зенкевич, В. Лефельдт, А. Л. Хосроев; под ред. Е. Ю. Басаргиной. СПб., 2019. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 7).

⁵⁴ Из прошения на имя губернатора А. М. Черкасского (27 мая 1720 г.): «Того ради моего всенижайшаго следованного прибежища не вотще всей губернской канцелярии вообразати, аще что тому подобныя, к древности принадлежащая, вещи, якобы язычские шейтаны, великия мамантовы кости, древния калмыцкия и татарския писма и их праотческия писмена, такожде каменные и кружечныя могилныя образы и устройства тем же, аз оныя по обретении списал и рисунок прислать могу» (Басаргина 2019: 245). Информация из книги М. Г. Новлянской опирается на IV рапорт Д. Мессершмидта на имя И. Блюментроста (от 25 июня 1720 г.) (Басаргина 2019: 257).

⁵⁵ Поразительным образом мне удалось даже идентифицировать эти два листа среди остальных двух сотен в собрании ИВР РАН (их шифры Tib. 959, № 74 и Tib. 959, № 75): в этом помогли выписки фрагментов тибетского текста, которые сохранились в личном фонде Д. Мессершмидта в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: СПбФ АРАН. Ф 98. Оп. 1. Д. 39 («Лингвистические материалы на отдельных листах»). Л. 94–94 об. Возможно, и монгольские листы, приобретенные им в Абаканском остроге, удастся когда-нибудь опознать.

Бородаев В. Б. Архивные документы 1719–1721 годов о выборе места и основании Усть-Каменогорской крепости на Иртыше // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (24–27 мая 2011 г.). Горно-Алтайск, 2011. С. 25–35.

Бородаев В. Б., Контев А. В. Результаты обследования ламаистских монастырей на Верхнем Иртыше геодезистом Василием Шишковым в 1737 году // Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур): мат-лы II регион. конф. 26 октября 1999 г. Барнаул, 1999. С. 116–132.

Гмелин И. Г. Семь Палат и Аблай-кит: описание двух монастырей на Верхнем Иртыше (отрывок из «Путешествия по Сибири в 1733–1743 гг.», Геттинген, 1751) / пер. с нем. Л. В. Малиновского // Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур): мат-лы II регион. конф. 26 октября 1999 г. Барнаул, 1999. С. 132–136.

Галсан-Гомбоев, лама. Объяснения семипалатинских древностей // Известия Императорского Археологического Общества. Том второй. СПб., 1861. Кол. 207–219.

Завитухина М. П. К вопросу о времени и месте формирования Сибирской коллекции Петра I // Культура и искусство петровского времени. Публикации и исследования. Л., 1977. С. 63–69.

Зорин А. В. О тибетских текстах с берегов Иртыша, поступивших в Санкт-Петербург в первой трети XVIII в. // Учение Будды в России. 250 лет институту Пандито Хамбо-лам. СПб., 2015. С. 102–118.

Зорин А. В. Тибетский свиток из молитвенного барабана, поступивший в Санкт-Петербург в первой половине XVIII в. // Mongolica-XXI. СПб., 2018. С. 62–66.

Иванов Д. В. Буддийские коллекции Кунсткамеры XVIII века // Восточная Азия: Вещи, история коллекций, тексты. СПб., 2009. С. 254–276. (Сборник МАЭ. Т. LV).

Киселев М. А. Урало-шведские грезы Василия Татищева // Новый мир. 2016. № 9. С. 120–137.

Княжецкая Е. А. Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева // Страны и народы Востока. Вып. XXVI. М., 1989. С. 10–35.

Новлянская М. Г. Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. М.; Л., 1966.

Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970.

Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862.

Порше Ж. Петр Великий и Парижская Королевская Библиотека // Временник Общества друзей русской книги. IV. Париж, 1938. С. 43–60.

Радлов В. В. Сибирские древности. Т. 1, вып. 2. СПб., 1891. (Материалы по археологии России. № 5).

Радлов В. В. Сибирские древности. Т. 1, вып. 3. СПб., 1894. (Материалы по археологии России. № 15).

Смагулов Т. Н. Калбасунская башня. Алматы, 2012.

Спицын А. А. Сибирская коллекция Кунсткамеры // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. 8, вып. 1. СПб., 1906. С. 227–248.

Ямпольская Н. В. Берестяная рукопись на Ясном письме из Аблай-хита // Монголоведение в Санкт-Петербурге: ретроспектива и современность. Программа. Тезисы. Международный Круглый стол (10 июня 2019 г. Санкт-Петербург). СПб., 2019. С. 42–43.

Abel-Rémusat J.-P. Recherches Sur Les Langues Tartares. T. I. Paris, 1820.

Vacmeister J. V. Essai sur la bibliotheque et le cabinet de curiosites et d'histoire naturelle de l'Academie des sciences de Saint-Petersbourg. Saint-Petersbourg, 1776.

Bayer G. S. Museum Sinicum in quo Sinicae Linguae et Litteraturae ratio explicatur. Vol. 1. Petropoli, 1730.

Bayer G. S. Elementa literaturae brahmanicae, tangutanae, mungalicae // Commentarii Academiae Scientiarum imp. Petropolitanae. Ad Annum 1728. Petropoli, 1732. Т. 3. P. 399–432.

Bell J. Travels from St. Petersburg in Russia to Diverse Parts of Asia. Vol. 1. Glasgow, 1763.

Bruyn 1725 — Voyages De Corneille Le Bruyn Par La Moscovie, En Perse, Et Aux Indes Orientales. Tome troisième. La Haye, 1725.

Gmelin J. G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Th. 1. Gottingen, 1751.

Histoire de l'Académie royale des inscriptions et belles lettres. Tome cinquième. Paris, 1729.

Lundbaek K. T. S. Bayer (1694–1738): pioneer sinologist. London; Malmö, 1986. (Scandinavian Institute of Asian Studies. Monograph Series. 54).

[*Mencke J. B.?*]. Nova literaria de msptis codicibus in Tartaria repertis // Acta eruditorum. Lipsiae, 1722. P. 374–376.

Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Teil 1: Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722 / Hrsg. von E. Winter und N.A. Figurovskij. Zum Druck vorbereitet von G. Jarosch. Berlin, 1962.

Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Teil 4: Tagebuchaufzeichnungen Februar 1725 — November 1725 / Hrsg. von E. Winter und H. Lemke. Berlin, 1968.

Müller G. F. De scriptis tanguticis in Sibiria repertis Commentatio // Commentarii Academiae Petropol. 1747. 10. P. 422–499.

Rohnström J. Strindbergs mongoliska studier. Ett nyfunnet Strindbergsmanuskript // Bibliotek och historia. Festskrift till Uno Willers. Acta Bibliothecae Regiae Stockholmiensis, XII. P. 290–305.

Schiefner F. A. Bericht über eine Reise nach England im Sommer 1863 // Mélanges asiatiques. T. 5. St.-Petersbourg: Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences, 1864. P. 41–48.

Schilling 1848 — Bibliothèque bouddhique, ou Index du Gandjour de Narthang, composé sous la direction du Baron Schilling de Canstadt. Avant-propos // Bulletin de la classe des Sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg IV (1848), col. 321—331 (presented by Otto Boehtlingk, November 26, 1847).

Strahlenberg Ph. J., von. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.

Walravens H. Siberian Manuscripts and the Tibetan Jaschke Type // Zentralasiatische Studien. 44. 2015. S. 179–191.

Weber F. Ch. Das Veränderte Russland. Frankfurt, 1721.

Weston D. The Bayer Collection. A preliminary catalogue of the manuscripts and books of Professor Theophilus Siegfried Bayer, acquired and augmented by the Reverend Dr Heinrich Walther Gerdes, now preserved in the Hunterian Library of the University of Glasgow. Glasgow, 2018.

Zorin A. Tibetan Buddhist Texts Acquired by the Russian Academy of Sciences during the 18th Century // Journal of the International College for Postgraduate Buddhist Studies. Vol. XIX. Tokyo: ICPBS, 2015. P. 184–142 (=1–43).

ON THE “ELUSIVENESS” OF THE MANUSCRIPT LEGACY OF THE SEM’ PALAT MONASTERY: A RESPONSE TO THE BOOK “BUDDIISKII MONASTYR’ ABLAI-KHIT” [“THE ABLAIKIT BUDDHIST MONASTERY”]

ABSTRACT. This paper is a detailed response to the book “Ablaikit Buddhist Monastery” (Almaty 2019), dealing mainly with one particular aspect of it, namely the circumstances of how the first Tibetan and Mongolian manuscripts made it through to Peter the Great and then to the Library of Saint Petersburg Academy of Sciences. Some of the comments made in the two chapters of the book, written by N. V. Yampolskaya, cast doubt on the necessity to recognize the Dzungar monastery of Sem’ Palat as the original source of such texts. The manuscript legacy of this monastery is characterized by the word “elusive” or, literally, “ghostly” (*prizrachnoe*). In response to this, the paper invites the reader to impartially examine all the key sources of information on the topic which date back to the first third of the eighteenth century. These sources include also those never mentioned in this context before and related to such significant names in the history of the Russian academia as D. G. Messerschmidt, G. S. Bayer and F. Strahlenberg.

KEY WORDS: Tibetan and Mongolian manuscripts, Sem’ Palat, Ablaikit, early academic collections, Peter the Great, history of Oriental Studies

ALEXANDER V. ZORIN – Candidate of Sciences, Senior Researcher of the Department of Manuscripts and Documents, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg)
E-mail: kawii@yandex.ru